

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ПРЕЗИДЕНТА ХАСАНА РОУХАНИ
В СИСТЕМЕ ФРАКЦИЙ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН**

Исаков Александр Сергеевич, аспирант

Институт философии и права УрО РАН

Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

E-mail: as.isacov@gmail.com

Статья направлена на изучение политического курса президента Хасана Роухани в системе фракций Исламской Республики Иран. Исследование базируется на методологии, предполагающей анализ влияния разных фракций на республиканские институты. Также описывается институциональная специфика исламской республики как формы правления. Рассматривается политическая повестка исламской революции 1978–1979 гг. Анализируется концепция «веляят-е факих», лежащая в основе современного Ирана. Приводится общее описание политической диспозиции в стране до и после выборов 2013 г. Отмечается снижение влияния президента на политический процесс после выборов. Отдельно анализируется политическая повестка, продвигаемая каждой фракцией. Описываются ведущие отечественные и зарубежные академические подходы к анализу фракционной системы Ирана. Основным выбран подход, предполагающий выделение следующих фракций: реформаторы, прагматики, традиционалисты, реакционеры. Отмечается согласие всех фракций с действующей конфигурацией политических институтов и общая лояльность режиму. Акцент сделан на различиях в фракционной повестке: отношение к попыткам экспорта исламской революции, позиция в диалоге по ядерной проблеме, выбор оптимальной модели экономического развития. Результатом исследования является актуальная характеристика фракционного баланса сил в Иране и описание особой роли президента в нем.

Ключевые слова: Х. Роухани, политические фракции, политический ислам, исламская революция, Иран, М. Ахмадинежад, бонияды, зеленое движение, Корпус Стражей Исламской Революции, Р. Хомейни, санкции, ядерная проблема

**THE POLITICAL COURSE OF THE PRESIDENT HASSAN ROUHANI
IN FACTIONAL SYSTEM OF ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN**

Isacov Alexander S., postgraduate student

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

16 Sofii Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation

E-mail: as.isacov@gmail.com

The article aims to explore political course of President Hassan Rouhani in factional system of Islamic Republic of Iran. Research is based on the methodology assuming the analysis of the impact of different factions on republican institutes. In addition, article describes the institutional specificity of the Islamic republic as the form of government and the political agenda of the Islamic Revolution of 1978–1979. Author analyze the concept of «Vilayat-e Faqih». This concept is base of modern Iran. The author gives a general description of the political disposition of the country before and after the elections of 2013. There is reduction of the president's influence on the political process after the elections. Also analyzes political agenda promoted by each faction. Article describes major Russian and foreign academic approaches to the analysis of fractional landscape of Iran. The main approach include four factions: reformists, pragmatists, traditionalists, principlists. All of this factions agree with the current configuration of political institutions and loyal to the regime. The emphasis is on differences in factional agenda like attempts of export of the Islamic revolution, position on the nuclear issue and the choice of an optimal model of economic development. The result of this research is the actual characteristics of the fractional balance of power in Iran and a description of the special role of the President.

Keywords: H. Rouhani, political factions, political Islam, Islamic revolution, Iran, M. Ahmadinejad, bonyads, the green movement, the Revolutionary Guards, R. Khomeini, sanctions, the nuclear issue

Актуальные вызовы со стороны исламского мира оказывают влияние на мировую политику, ставя новые вопросы и в академической стезе. Вооруженные кон-

фликты в Йемене, Ираке и Сирии, объединенные угрозой ДАИШ, делают реальным изменение баланса сил на Ближнем Востоке. В ситуации неопределенности, какие страны в будущем займут лидерские позиции, свое присутствие на международной арене и роль в решении данных конфликтов поступательно увеличивает Исламская Республика Иран. Этому активно способствует частичное снятие международных санкций, а также особая военная роль в противостоянии с ДАИШ.

Как снятие санкций, так и активизация взаимодействия с международной коалицией, представлялись практически невозможными при президенте Махмуде Ахмадинежаде. При этом, несмотря на то, что с 2013 г. президентом является Хасан Роухани, ротация национальной элиты не произошла. Это актуализирует вопрос о том, какую политику будет проводить государство, а также кто определяет внутреннюю повестку, трансформирующуюся в конкретные политические решения.

Особенности политической системы Ирана уходят корнями к основам религии. Шиитское направление в исламе оказало системообразующее влияние на ее архитектуру, став основой для образования государства и определения формата политических институтов. Всей полнотой легитимной политической власти в Исламской Республике может обладать только наследник Пророка, а именно – праведный имам. На сегодняшний день линия имамов считается угасшей, но предполагается, что последний имам «сокрыт» и возвратится в нужный, ключевой для верующих момент.

Исходя из этих постулатов, была выстроена уникальная система легитимации политических институтов, основанная на идее, что до проявления «сокрытого имама» политическая власть может находиться в руках высшего духовенства. Данная концепция была разработана и предложена в качестве идеологического фундамента создаваемой после революции 1978–1979 гг. Исламской Республики великим аятоллой Рухоллой Хомейни. Концепция предполагала, что на период, пока не случится проявление нового праведного имама, мехди, функции по управлению уммой и государством, как ее институциональным выражением, ложатся на республиканские учреждения, контроль справедливости правления которых обеспечивается наиболее авторитетными богословами – муджтахидами.

Данная концепция является переосмыслением применяемого в шиитском обществе исламского принципа «веляят-е факих». Принцип подразумевает, что наиболее социально незащищенные и нуждающиеся категории населения могут быть переданы под опеку духовенства. «В большей части шиитской истории Ирана, “веляят-е факих” легализовывал временную опеку представителей духовенства над ограниченной частью населения: больными, сиротами и другими социально уязвимыми членами общества, незащищенных государством» [10, с. 27].

Таким образом, в Исламской Республике Иран существует система, при которой управленческие функции осуществляют республиканские институты, а духовенство определяет основные векторы социально-политического развития. Иным значимым наследием исламской революции стало возрастание политической активности населения, которая обеспечивает всем политическим институтам легитимность харизматического и рационально-легального порядка. Такая система резко отличается от суннитских стран, где существует историческая возможность использования иных механизмов управления: заложенных традициями и инициируемых электоральными процедурами.

Непосредственно после революции, иранскими властями предпринимались попытки экспорта переосмысленной концепции «веляят-е факих» и исламской революции, не увенчавшиеся значимыми успехами. На сегодняшний день концепция используется для решения внешнеполитических задач как часть «мягкой силы» страны, что наравне с еще несколькими факторами является основой повышения активной роли Ирана на международной арене. В данном контексте значение имеют следующие факторы.

Во-первых, укрепление религиозного влияния и популяризация концепции «веляят-е факих» за рубежом. Это включает в себя возобновление попыток гуманитар-

ного экспорта исламской революции и популяризацию иранской модели как трансцендентного идеала государства, гарантирующего социальную справедливость, в такие страны, как Ирак, Ливан, Йемен.

Во-вторых, позиционирование себя в качестве основного арбитра в разрешении иракского кризиса. Иранские вооруженные силы являются основным гарантом военного сдерживания ДАИШ на территории Ирака, что позволяет руководству государства вести уверенный торг на международной арене с США и их союзниками по коалиции.

В-третьих, поддержка лояльных шиитских группировок для давления на политических лидеров. Это включает в себя военную и материальную поддержку ассоциированных с Ираном военизированных группировок, самой известной из которых является ливанская Хезболла, и прочих парамилитарных формирований, вроде организации йеменских зейдитов «Ансар Алла» [8, с. 3].

При этом отмечаются ключевые сдвиги во внешней политике страны, характерные именно для периода президентства Хасана Роухани. Сам Президент и министр иностранных дел Джавад Зариф склонны к предельно прагматическим позициям во внешних сношениях и, что было не типично для администрации Ахмадинежада, тяготеют к диалогу и частичным уступкам по ядерной программе [11]. При этом закономерно существование и противоположного мнения. Так, несмотря на снятие американских санкций с Ирана, Роухани рассматривается как политик, продолжающий прежнюю конфронтационную линию, рассматривающий США и Европейский Союз как потенциальных противников [6].

Реализация реального политического курса зависит не только и не столько от духовных лидеров Исламской Республики Иран, сколько от политической конфигурации в рамках республиканских учреждений. В свою очередь, республиканская повестка формируется расстановкой высших должностных сил в стране и их фракционной идентификацией.

Поскольку в стране отсутствует традиционная партийная система, внутренний плюрализм локализуется в ряде внутренних политических фракций, агрегирующих идеи определенных социальных групп. Данные фракции являются неформальными, тем не менее, имеют высокий уровень внутренней организации и своих лидеров.

Традиционно в отечественном академическом дискурсе выделяются следующие фракции: фракция Хезболлах, фракция Центристов, фракция «Правых», фракция «Левых» [1, с. 71–74]. Ведущие американские иранисты предлагают иной вариант, выделяя такие фракции, как: сторонники жесткой линии (*hard-liners*), сторонники извлечения выгоды (*expedients*) и сторонники реформ (*reformists*) [6]. Наиболее же актуальным является подход специалистов RAND, выделяющих следующие фракции в Исламской Республике Иран (от правого к левому идеологическому спектру соответственно): реакционеры (*Principlists*), традиционалисты (*Traditional conservatives*), прагматики (*Pragmatic conservatives*) и реформисты (*Reformists*) [10, с. 12].

Общим универсумом для всех фракций служит: согласие с принципами Исламской Революции и преемственность идеям великого аятоллы Рухоллы Хомейни, опора на исламскую систему правления и противодействие секуляризму, направленность на сохранение текущего баланса сил в политической системе и ограничение доступа для внесистемных игроков.

Реакционеры, или принцилисты, представляют собой правый полюс иранской политики. Они являются охранителями принципов Исламской Революции, выступая с ультраконсервативных позиций, противостоят любым реформам и изменениям государственного строя. Согласно их позиции, любые изменения в обществе и политическом строе, не предусмотренные принципами исламской революцией, не имеют право на существование. Ими подчеркивается необходимость сохранения «чистых» революционных идеалов, что включает в себя как внутренний политический ландшафт, так и традицию противопоставления Западу и попытки экспорта исламской революции за рубеж. Также фракция ориентирована на сохранение внутренней ста-

бильности и обеспечение воспроизводства качественных характеристик политической системы. «Реакционеров называют “Новой гвардией” исламской революции» [10, с. 13]. В их воззрениях политическая формула исламской революции является трансцендентным идеалом, не подлежащим переосмыслению. Фракция ориентирована на утверждение автократии и является выразителем воли как главы государства, так и большинства республиканских институтов. Видным лидером реакционеров является приближенный к Рахбару спикер иранского меджлиса Али Лариджани. Также выразителем реакционной повестки является его политический противник, бывший президент Махмуд Ахмадинежад, неформально связанный с ультраконсервативным движением мехдистов. Сторонники движения полагают, что он способен лично общаться с высшими силами и своей политикой представляет их волю по подготовке Ирана к явлению пророка-мехди.

Традиционалистами являются ориентированные на сохранение статуса-кво политические деятели. В большей степени к ним относятся наиболее видные представители исламского духовенства и политики, связанные с деятельностью бониядов – крупных исламский фондов, которым принадлежит огромное количество имущества, а их главы назначаются лично главой государства. Сторонники фракции настаивают на сохранении ценностей традиционного исламского общества и культуры, выступают за добровольную умеренную автаркию государства на мировой арене. В свою очередь, муджтахиды аргументируют это тем, что даже частичная рецепция западного образа жизни, как реализация принципов рыночной экономики, неизбежно приведет к деградации традиционного мусульманского общества. Такая позиция делает традиционалистов наиболее последовательными выразителями интересов исламских фондов – бониядов, под контролем которых находятся крупные нерыночные капиталы. Де-факто это делает их относительными сторонниками развития Ирана по экономической модели Китая, дискуссия о чем имеет место быть в повестке иранского общества [5]. Традиционалистов часто называют «старой гвардией» исламской революции. Видным лидером традиционалистов является аятолла Махмуд Хашеми-Шахруди. Отчасти к сторонникам фракции можно отнести и самого Рахбара Али Хаменеи.

Прагматиками являются те политики Исламской Республики, которые считают, что политический курс страны должен выстраиваться с позиции получения выгоды, а не основываться на идеологических посылах. Сторонники фракции ориентированы на отказ от конфронтации с США и странами Европейского Союза, предпочитая развитие планомерного экономического сотрудничества. Такая позиция основывается на идее, что целью иранской политики является максимальное улучшение благосостояния общества и предоставление высоких социальных гарантий. Это возможно только при сотрудничестве с широким кругом игроков на мировой арене, обмене технологиями. Также выстраивание прочных экономических связей способно деэскалировать военную угрозу по отношению к Ирану. «Прагматики имеют стабильную поддержку среди иранских технократов и государственной бюрократии» [10, с. 13]. Фракция агрегирует интересы нефтяной промышленности страны, максимально заинтересованной в либерализации национальной экономики и свободном экономическом взаимодействии со странами Европы. Наибольшую поддержку фракции оказывают западные области страны, где не так сильно влияние бониядов и наиболее активно развиваются рыночные отношения и частный бизнес. Видным представителем прагматиков является бывший президент республики, глава совета по определению политической целесообразности Али Акбар Рафсанджани.

Реформаторы представляют собой наиболее либеральную фракцию в Иране. Они выступают за активное развитие институтов гражданского общества и электоральной демократии. Это подразумевает максимальное повышение роли республиканских учреждений в стране, оставляя духовной власти роль гаранта консенсуса в обществе. Особое внимание сторонники фракции уделяют вопросам защиты прав женщин, религиозных и этнических меньшинств. При этом повестка реформаторов

не содержит призыва к кардинальному изменению государственного строя. Практическими выразителями интересов реформаторов является так называемое «зеленое движение». Лидерами фракции являются бывший президент Мухаммед Хатами, бывший глава правительства и лидер «зеленого движения» Мир-Хосейн Мусави, а основным идеологом – аятолла Мехди Карруби. Отчасти их влияние на политическую систему Ирана обусловлено тем, что ключевые персоналии являются близкими родственниками Рухоллы Хомейни.

Кроме того, существует альтернативная система стратификации политической элиты Ирана, предполагающая выделение трех кругов иранской политической элиты в зависимости от источников их легитимности. Так, выделяются внутренняя элита (*inner circle elite*), административная элита (*administrative elite*) и контролирующая дискурс духовная элита (*discourse elite*) [11].

К внутренней элите относятся близкие Рахбару политические деятели, способные оказывать влияние на курс государственной политики. К административной элите относятся те политики, которые непосредственно задействованы в управлении государством и, соответственно, концентрируются в республиканских институтах. К духовной элите относятся высшие представители исламского духовенства и руководители бониядов, которые контролируют политический дискурс.

На протяжении периода пребывания у власти президента Махмуда Ахмадинежада, вплоть до выборов 2013 г., реальную политику в Исламской Республике определяли реакционеры, особенно большим влиянием обладал Корпус Стражей Исламской Революции. Его администрация претворяла курс на добровольную автаркию на мировой арене и делала особый акцент на интенсивное развитие ядерной программы, позиционируя ее не только и не столько как решение вопроса национальной безопасности, сколько подчеркивая ее значение в идеологическом ключе.

Тем не менее, со временем структура иранского общественного мнения значительно изменилась. Подобная политическая повестка более не является эффективной и популярной, население все более склоняется к необходимости компромиссов. Следствием этого стало изменение позиции муджтахидов, которые стали активно поддерживать умеренные силы. Это было сделано как для того, чтобы придать экономике новый импульс для развития за счет перспективы отмены международных санкций, так и для снижения градуса социальной напряженности в стране, аккумулятором чего стало набирающее политический вес «зеленое движение», представляющее повестку реформаторов.

В большинстве своем именно следствием эволюции позиции высшего духовенства стала упреждающая победа Хасана Роухани на президентских выборах 2013 г. Повестка нового президента включала в себя тезисы о необходимости смягчения политического курса, уменьшения изоляции страны на международной арене и активизации диалога по ядерной проблеме. Результатом данных посылов стала частичная отмена международных санкций и активизация иранского присутствия в мировой политике. Стоит, однако, отметить, что детерминантами данного результата является не только позиция президента Ирана, но и обострение вооруженного противостояния в Ираке, где военное присутствие Исламской Республики стало гарантом сдерживания ДАИШ.

Артикуляция данной политической повестки не была характерна для Роухани до его участия в выборах, его программа адаптировалась под предпочтения электората. Так, ранее, будучи приближенным к Рахбару, он включался экспертами в список политиков, являющихся последовательными сторонниками традиционалистской фракции [12, с. 41]. В сегодняшних реалиях курс президента не совпадает с повесткой традиционалистов, ярким свидетельством чего является мягкая позиция в диалоге по ядерной программе и призывы к изменению экономической ситуации. Более того, Иран все больше отходит от рассмотрения китайской экономической модели в качестве трансцендентного идеала, что имело место быть во время правления Ахмадинежада [5]. В то же время не отмечается стремления к каким-либо либеральным реформам

в экономике, на чем настаивают реформисты, ссылаясь на опыт преобразований во время президентства Мухаммеда Хатами. Таким образом, взятый курс на сохранения баланса интересов различных внутренних игроков, соседствующий с активизацией во внешней политике и готовности идти уступки по ядерному вопросу, может быть характеризован как максимально приближенный к фракции прагматиков.

Кроме того, после ухода Махмуда Ахмадинежада отмечается сокращение реальных возможностей влияния президента на процесс формирования государственной политики, свое значение в котором повышают Рахбар, Меджлис и, отчасти, Корпус Стражей Исламской Революции [7]. Влияние последних увеличивает военное присутствие и особая роль в противостоянии ДАИШ в Ираке, Сирии и, по некоторым оценкам, в Йемене. В Меджлисе отмечается рост влияния реакционеров, консолидирующихся вокруг фигуры Али Лариджани, которые укрепляются в статусе неформальной оппозиции по отношению к президенту.

Соразмерно данному процессу, в парламенте увеличивается уровень поддержки Рахбара. В то время как позиция главы государства остается строго ориентированной на фракцию традиционалистов, Корпус Стражей все больше связывает свои интересы с прагматиками. Этому способствует смягчение отношения к Соединенным Штатам и принятие новых правил во внешней политике, также закономерным является их позитивное отношение к рыночной экономике [4]. Так как командование корпуса не связано с бониядами, основным их интересом является создание и развитие собственного бизнеса, в том числе с международным участием. Поскольку ассоциированные с ними структуры являлись основой национального импортозамещения в условиях санкций, в новой реальности остается возможность выстраивания партнерских отношений с игроками из ЕС и США. Это идет в разрез с повесткой реакционеров, традиционно рассматривающих в качестве основного партнера Китай, как это было при прошлом президенте [5, с. 10].

В заключение можно сказать, что политический курс президента Хасана Роухани в системе фракций Исламской Республики Иран имеет множественную природу и не может быть охарактеризован как соответствующий позиции какой-либо конкретной фракции. Повестка реакционеров, ассоциируемых с бывшим президентом Махмудом Ахмадинежадом, теряет актуальность. Иные реакционеры, как Али Лариджани, все больше ориентируются на поддержку Рахбара и фракции традиционалистов, а Корпус Стражей связывает свои интересы с прагматиками, повестка которых является наиболее близкой к программным заявлениям действующего президента. Подобная диспозиция способствует повышению значения страны на международной арене и ее большей открытости.

Во внутренней политике сталкиваются диаметрально противоположные интересы доминирующих на востоке страны исламских фондов, бониядов, функционирующих вне рыночной экономики, и частного капитала, развивающегося на западе. Представление интересов первых обеспечивается самим Рахбаром и фракцией традиционалистов, вторых – фракцией прагматиков, в целом поддерживающих политику Хасана Роухани. При этом фракционистская ориентация президента во внешней политике может не совпадать с той повесткой, на основе которой формируется внутренняя конъюнктура управления.

В итоге данные изменения способствуют повышению степени влияния на реальную политику высших муджтахидов. Это делает президента медиатором политической и фракционной системы, при этом нивелируя его влияние на процесс формирования будущей политики. В то же время отчуждение от привычной фракционной идентификации позволяет Роухани занимать особое место в политической конъюнктуре Исламской Республики, что дает большие возможности для политического маневра и обеспечивает поддержку широких слоев населения, традиционно отдающих предпочтение разным политическим фракциям.

Список литературы

1. Иран: ислам и власть / под ред. Н. М. Мамедовой и Мехди Санаи. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2002. – 280 с.
2. Манучихри А. Политическая система Ирана / А. Манучихри. – СПб : Петербургское востоковедение, 2007. – 240 с.
3. Elson S. B. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election / S. B. Elson. – Santa Monica : RAND, 2012. – 240 p.
4. Ganji A. Revolutionary Pragmatists / A. Ganji // Foreign Affairs. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
5. Harold S. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations / S. Harold, A. Nader. – Santa Monica : RAND, 2012. – 48 p.
6. Kazemzadeh M. Hassan Rouhani's Election and Its Consequences for American Foreign Policy / M. Kazemzadeh // American Foreign Policy Interests. – 2014. – № 2 (36). – P. 127–137.
7. Nader A. Can Rouhani Break Through? / A. Nader // RAND. – Режим доступа: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
8. Nader A. Iran's Role in Iraq: Room for U.S. – Iran Cooperation? / A. Nader. – Santa Monica : RAND, 2015. – 23 p.
9. Nader A. The Impact of Sanctions Relief on Iran / A. Nader. – Santa Monica : RAND, 2015. – 7 p.
10. Nader A. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran / A. Nader, D. E. Thaler. – Santa Monica : RAND, 2011. – 99 p.
11. Przewczek S. Iran's Foreign Policy under President Rouhani: Pledges versus Reality / S. Przewczek // Middle Eastern Analysis / Otadogu Analiz. – 2013. – № 5. – P. 64–71.
12. Thaler D. E. Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics / D. E. Thaler, A. Nader. – Santa Monica : RAND, 2011. – 170 p.
13. Wasser B., Martini J. The Next Generation of Leaders in the Gulf / B. Wasser // Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/persian-gulf/2016-02-14/next-generation-gulf-leaders>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

References

1. *Iran: islam i vlast* [Iran: Islam and power]. Ed. by N. M. Mamedova, Mehdi Sanai. Moscow, Institute of Oriental Studies, RAS, 2002, 280 p.
2. Manuchikhri A. *Politicheskaya sistema Irana* [Political system of Iran]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2007, 240 p.
3. Elson S. B. *Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election*. Santa Monica, RAND Publ., 2012, 240 p.
4. Ganji A. Revolutionary Pragmatists. *Foreign Affairs*. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>.
5. Harold S., Nader A. *China and Iran: Economic, Political, and Military Relations*. Santa Monica, RAND Publ., 2012, 48 p.
6. Kazemzadeh M. Hassan Rouhani's Election and Its Consequences for American Foreign Policy. *American Foreign Policy Interests*, 2014, no. 36, pp. 127–137.
7. Nader A. Can Rouhani Break Through? *RAND*. Available at: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>.
8. Nader A. *Iran's Role in Iraq: Room for U.S. – Iran Cooperation?* Santa Monica, RAND Publ., 2015, 23p.
9. Nader A. *The Impact of Sanctions Relief on Iran*. Santa Monica, RAND, 2015, 7 p.
10. Nader A., Thaler D. E. *The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran*. Santa Monica, RAND Publ., 2011, 99 p.
11. Przewczek S. Iran's Foreign Policy under President Rouhani: Pledges versus Reality. *Middle Eastern Analysis. Otadogu Analiz*, 2013, no. 5, pp. 64–71.
12. Thaler D. E., Nader A. *Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics*. Santa Monica, RAND Publ., 2011, 170 p.
13. Wasser B., Martini J. The Next Generation of Leaders in the Gulf. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/persian-gulf/2016-02-14/next-generation-gulf-leaders>.